
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Балтин
(г. Москва)

**К 195-ЛЕТИЮ
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

1

Феномен тирании есть комбинация железной жажды самоутверждения, безразличия к другим и малой компетентности во многом: в «Истории одного города» феномен, ежели его вообразить в качестве господина в партикулярном платье, схвачен за руку: мол, вот он каков...

Угрюм-Бурчеев, чья физиономия сочетает глупость и самодовольство, развернется противу всех: в том числе и природы, и тут уже не Аракчеев просматривается, а некто более значительный — в плане злоупотребления властью.

Все хороши: каков каталог развернувшейся летописи!

Перехват-Залихватский, Грустилов...

Опа!

Таких и не бывало — оно конечно, дано все сгущено, слишком сконцентрировано, но ведь из яви сии рожи, и вечные подданные, позволяющие воцариться таким, едва ли достойны уважения.

...крадется по земле оволосатевший, одичавший помещик: имение в запустении, да и кем был — уже не вспомнит...

А то — мужик громоздится на дерево, чтобы нарвать генералам сладких яблок, а себе взять одно — кислое.

Сколько пескарей премудрых вокруг!

Не пересчитать...

...а пролитый кисель глупости вылижет тощая коняга.

Много ли поменялось в человеческом общежитие?

Антураж — совсем иной, а нечто живущее в нас, в наших сердцевинах остается прежним.

Не исправляет сатира, не меняет физиологию...

Иудушка, совмещающая в себе Иуду и Душку, будет лебезить, улыбаться, врать; вырастут панорамы помещичьей жизни, в густой плазме которых вспыхивают разные события, и сатира перерастет в метафизику, в глобальное исследование человека, как феномена...

И останутся пламенеющие письма Щедрина: для всех поколений, всем потомкам.

2

Ядреные сказки, перерастая понятие сказки, становились притчами, и метафизика распускалась отчасти ядовитыми цветами.

А что?

Ведь типажи, данные Салтыковым, не переводятся вообще

(Ах, кабы литература могла врачевать общество...)

Дикий помещик — превратившийся в животное, обородатевший, на четвереньках скачет по дорожке парка, и вечный мужик, сняв с яблони для генералов несколько спелых плодов, себе взял одно яблоко — кислое. Эй, мужик, очнись, генералы ведь без тебя и нужду справиться не сумеют!

Куда спрятался премудрый пескарь?

Выковырнуть его, заставить бороться!

Да нет, типаж зафиксирован на века, и веками продлится он, зачем-то обеспеченный генетически.

Хватило бы для бессмертия одних сказок — кратких, убийственных, великолепных, заряженных той энергией смеха, который...

Впрочем, общество, посмеявшись, продолжит жить своим монолитом.

И бытом.

Который, кстати, Салтыков-Щедрин — в реалистической своей ипостаси — передавал, как мало кто: менее избыточно, чем Толстой, но более богато, чем Чехов.

...и вот Порфирий Владимирович: Иуда и Душка: тот, кто снаружи, внешне, по нормам привычного телесного восприятия ласков и добр, а внутри — пылает Искарот...

Тартюф вечен, но Смердяков совсем «инакий», в нем больше метафизической амбивалентности, чем в Головлеве, который весь, в сущности, повязан чертовой «бытовизной».

Какая восстает со страниц романа заревом, где каждое волокно хочется пощупать, а всю галерею Головлевых многие видали в реальности.

...а не хотите административных восторгов?

Не случилось вам путаться в сумме коридоров, когда Иванов посылает к Петрову, Петров к Двадцатову, и будет лабиринт, запутанный похитрее критского, длиться до тех пор, пока не осуществится денежное влияние?

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин верил, что литература есть соль русской жизни, и размышлял мучительно, что будет, если перестанет она быть соленою.

Как бы ошарашен он был, увидев современный социум, где литературный спор не имеет большего значения, чем склока двух лавочников на захудалой окраине провинциальной дыры?

И то, что его наследие по-прежнему живет и играет красками, думается, не очень бы подсластило пилюлю...

Геннадий Маркин
(г. Щекино, Тульская область)

ЗА ДЕНЬ ДО ВЕСНЫ

Заместитель главного редактора ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член редколлегии литературно-художественных альманахов «Ковчег» и «Приунские просторы», редактор-составитель краеведческого альманаха «Отчий край». Лауреат литературных премий «Левша» им. Н. С. Лескова, им. Л. Н. Толстого и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, писатель, публицист.

В 1921 году в Богородицком уезде Тульской губернии вспыхнуло крестьянское восстание. Оно тут же перекинулось на другие соседние уезды. Его породила неумелая политика власти по проведению в стране продразверстки, когда продотрядовцы дочиста выгребали закрома в крестьянских дворах, уводили скотину, даже забирали последние крохи с их столов, обрекая крестьян и их детей на голодную и мучительную смерть. В свое время в Государственном архиве Тульской области я исследовал дело по обвинению участников того восстания, и мне хотелось бы поделиться этими своими изысканиями, чтобы еще раз напомнить, к чему может привести неумная политика находящихся у власти людей. Восстание, конечно, подавили, но бед и несчастий, несмотря на его непродолжительность, оно принесло немало. 5 октября 1920 года по окончании расследования этого дела следственной комиссией было вынесено заключение. С него бы мне и хотелось начать этот свой небольшой рассказ.

«Заключение по факту восстания крестьян в марте месяце 1920 года в Огаревской, Луговской, Исленьевской, Казанской, Плесинской, Никитской, Кузовской, Непрядвинской, Черняевской, Воловской, Любимовской и Верхнеупской волостей Богородицкого уезда; Дубровской, Алексеевской и Раевской волостей Чернского уезда и Нарышкинской, Ржавской и Сергиевской волостей Крапивенского уезда Тульской губернии.

Восстание началось в селе Исленьево Огаревской волости Богородицкого уезда (ныне территория Воловского района Тульской области. Г. М.) в 8 часов вечера 29 февраля собранием, от которого были высланы гонцы в другие селения волости с призывом к соединению. Часов в 11 вечера присутствовавшая на собрании толпа, разбившись на 2-е группы, двинулась в село Огарево: первая через д. Воропаевку, вторая через д. Соколье, захватывая с собой граждан попутных селений. Первым шагом восставших ознаменованием их дела было зверское убийство в ночь на 1-е марта в с. Огареве продработников коммунистов т.т. Панкова, Кузнецова и Санкина. Напрасными были их попытки избавиться от жестокой расправы: от разъяренной толпы, собравшейся в ту ночь почти изо всей волости и жаждавшей крови, нельзя было скрыться. Тотчас же были посланы гонцы в соседние волости и уезды с просьбами о помощи и присоединении. Выросшая за ночь до трех тысяч человек толпа утром 1-го марта направилась на станцию Волово и заняла ее, но почти тотчас же, впрочем, вер-

нулась обратно в с. Огарево. К 12 часам дня прибыли представители соседних волостей и уездов, и в их присутствии под председательством одного из инициаторов и главарей восстания открылось собрание почти всех волостей, которые избрали боевой штаб, преимущественно белых офицеров, вручив ему всю полноту власти. В это же время началась раздача оружия. Деревни Соколье, Воропаевка, Заполье и Исленьеве с одной стороны и д. Андриановка с другой, получили от председательствующего собрания приказ: немедленно выехать: 1. На ст. Волово с целью овладения имеющимся там оружием; 2. На ст. Огарево с целью приостановления железнодорожного движения путем разбора железнодорожной линии и порчи телефонно-телеграфных проводов. И 12-и тысячная толпа вполне организованно начала наступление на станцию Волово, заняла железнодорожное полотно, разобрав часть линии и порвав телефонно-телеграфные провода. В это время коммунисты соединились с железнодорожным батальоном и под прикрытием шести пулеметов контратакой выбили и рассеяли пулеметным огнем толпу. В скором времени показалась вторая, несколько запоздавшая толпа численностью до восьми тысяч человек из граждан Любимовской, Луговской, Солодиловской волостей Богородицкого уезда и Казанской — Крапивенского, которая точно так же была рассеяна пулеметным огнем, даже не успев подойти к станции. Тем временем посланные в другие волости гонцы призывали крестьян к соединению, и восстание вскоре охватило пожаром 18 волостей.

В Луговской волости Богородицкого уезда 1-го марта на мельнице в селе Лебяжье происходило тайное собрание с представителями от Огаревской волости, на котором был избран «Комитет спасения родины», в составе трех человек. Функции этого комитета сводились главным образом к посылке депеш в другие деревни с призывами к соединению и просьбами о помощи. Гонцы из Луговской волости разъезжали по деревням, били в набат и выгоняли народ на собрания, на которых говорили, что все волости восстали против отбора скота и другого продовольствия, и вы должны идти на площадь. Как одну из активных волостей, быстро присоединившуюся к восстанию, можно указать на Нарышкинскую волость Крапивенского уезда, где был избран Контрревком, убиты продработники т.т. Авдеев, Николаев и Македонский. И трупы их, как и вообще во всех остальных волостях, истерзаны и обезображены озверевшей толпой. Эта волость участвовала в наступлении на станции Теплое и Огарево, а также разъезжала по другим волостям, как например, Плесинской и Царевской».

Из Царевской волости восставшие направились дальше, в сторону села Ржаво...

...Несмотря на первый весенний день 1920 года, на дворе было морозно. Возшедшее солнце было каким-то необычным, красно-багряным, словно предвещало надвигающуюся беду. А в доме крестьян Кузнецовых в селе Ржаво было уютно и тепло от протопленной печи. Пришедший к Кузнецовым накануне вечером и заночевавший в их доме инструктор волостного комитета партии Дворовянский проснулся рано. Потянувшись до хруста костей, он поднялся с кровати и вышел из чулана в горницу, у печи хлопотала хозяйка дома Марфа Павловна. Умывшись, он взял висевшее у рукомойника полотенце и стал вытирать им лицо.

— И куда же в такую рань молодежь собралась? — спросил он у девятнадцатилетнего Петра, увидев, что тот надевает овчинный тулуп.

— Скотину кормить, — нехотя буркнул тот в ответ.

— Да, скотину кормить нужно, — кивнул головой инструктор. — А почему бы тебе, Петька, не прийти к нам на собрание? Посмотрел бы, какой живой и интересной жизнью живут твои ровесники! Послушал бы агитаторов, а там, глядишь, и сам попробовал бы свои силы в агитбригаде. Ну как, согласен? — спросил он.

Петька промолчал. Приняв молчание за согласие, инструктор улыбнулся.

— Ну вот и прекрасно! Сегодня же приходи в клуб, будем тебя ждать.

В это время в избу буквально вбежал хозяин дома Михей Федорович.

— Товарищ инструктор — беда! — крикнул он с порога, едва отдышавшись.— Нынче ночью люди поднялися, бунты по всем деревням идут, вот и до нас добралися. Поговаривают, в Нарышкино продотрядовцев убили. Бежать тебе надобно.

— Откуда тебе это известно? — спросил у Михея инструктор.

— Дык вон они на краю деревни, сам их видал. Не наши и все с ружьями, по из-бам ходють, людей к восстанию созывают. Сказывают,— Михей понизил голос и, косясь на сына и жену, произнес: сказывают, что нету боле советской власти. Бежать тебе надобно,— вновь повторил Михей.

— Свят, свят, свят! — запрочитала было Марфа, но Михей оборвал ее.

— Цыть, баба! Тута твоими молитвами не совладать! Тута по-иному надоть!

Дворовянский метнулся к окну, и, сдвинув шторку, стал всматриваться.

— Петька, ну-ка живо скидывай с себя овчину, а ты, Митрий, надевай ее; можа не узнают тебя, и вырвешься из села-то,— додумался Михей.

Спустя четверть часа, после того, как инструктор Дмитрий Дворовянский покинул дом Кузнецовых, к ним ворвались трое незнакомых людей с винтовками наперевес.

— Ну, дед, сказывай, где инструктора из волости прячешь?! — спросил один из них.

— Сказывай, говорят тебе, а не то пулю в лоб схлопочешь! — грозно глядя на Михея, потребовал другой.

Стоящий у окна Петька побелел, Марфа заголосила.

— Дык, ушел он,— ответил Михей, переводя взгляд с незнакомцев на жену и сына.— С вечеру заночевал у нас, а ныне поутру ушел в Спасское.

— Стало быть, советов у себя пригреваешь? — зло зашевелил усами третий непрошенный гость.

— Дык, как же не пустить на ночлег измученного путника, мил человек? Не по-христиански это,— ответил Михей...

Так, или примерно так начиналось крестьянское выступление в Ржавской волости Крапивенского уезда. Однако давайте вновь обратимся к некоторым документам дела, хранящегося в Государственном архиве Тульской области.

Из протокола допроса Кузнецова Петра Михеевича: «Затем эти трое вооруженных людей велели мне запрягать лошадь и везти их в Сорочинку. В Сорочинке они громко кричали, созывая народ на бунт. Там уже стояло несколько подвод, на которых мы повезли вооруженных ружьями людей на бунт в Спасское. Мне тоже дали винтовку. В Спасском было несколько инструкторов, которые увидев нас, бросились бежать. По ним был открыт огонь, но я не стрелял. Убили кого или нет, я не знаю. Воспользовавшись моментом, я бросил винтовку, оставил лошадь с санями и сбежал из Спасского домой».

Из протокола допроса заведующего Лазаревской почтой Фомина: «В ночь на 2 марта сторожика Адамчук услышала стук в дверь. Она спросила: кто стучит? Снаружи послышалось сразу несколько голосов: отвори, нам нужен начальник почты. Сторожика разбудила меня. Я подошел к двери и понял, что на улице находится большое количество людей. Я ответил, что время позднее, и я дверь не открою. Тогда они начали ломать дверь, бить стекла, после чего я открыл дверь. Вошли около тридцати человек и потребовали у меня револьвер и патроны к нему. Я ответил, что револьвер мне выдан по закону и на сей счет имеется мандат. Вошедшие наставили на меня штык и револьвер, после чего я был вынужден отдать им револьвер с патронами. Они перерыли все ящики письменного стола, и пошли на выход. Затем сели в повозки и поехали по направлению к Спасской волости. Заведующий Лазаревским отделением почты и телеграфа Фомин».

Вот такое крестьянское восстание, которое трудно назвать случайным, началось в Тульской губернии весной 1920 года. Тем временем в Туле предпринимались все

попытки по наведению порядка. На подавление восстания были брошены лучшие красноармейские части, под общим командованием Кауля.

Александр Иосифович Кауль в то время руководил губернской ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Из материалов дела: «Разговор по телеграфу. Разговор первый — 2 марта, 1 час дня. "Епифань, кто у аппарата? У аппарата Мариолин. Понял, здесь тов. Кауль. Я передал вам быть наготове. Прошу вас все сведения о выступлении и борьбе с ними немедленно сообщать губчека Каптельцеву. Тчк. Белев, кто у аппарата? У аппарата Мухин. Здесь тов. Кауль. Вызывать из Белева отряд в Теплое и Огарево не нужно, там все спокойно. А нам нужно начать действовать в Крапивенском уезде. Тчк. Передайте распоряжение немедленно о выдвигении указанного вами отряда с пулеметами. Тчк."»

Разговор второй,— час ночи. "Тула, у аппарата Каминский (Григорий Наумович Каминский — Председатель исполнительного комитета Тульского губернского Совета и некоторое время одновременно председатель губернского комитета партии. Г. М.). Немедленно проводите операцию по ликвидации восстания. Тчк. Сообщаю: политбюро губкома просит озаботиться внимательной организацией самого штаба по ликвидации восстания, правильной подготовки организации связи с отрядами для регулярной подачи сводок. Тчк. Я — Кауль. Прибыл в Жданку (название железнодорожной станции в г. Богородицке. Г. М.) Информация в Богородицке убедила меня лично выехать в Волово, чтобы выяснить положение на месте о захвате восставшими склада с оружием. Из центра направляется большой отряд красноармейцев-интернационалистов, бронепоезд и бронеплатформа с пушкой. Тчк."»

Из материалов дела: «На станции Огарево собралась толпа до трех тысяч человек. Разобрала часть железнодорожной линии и обезоружила милицию. Вечером к станции подошел бронепоезд. Его встретили рассыпавшиеся в цепь около 16 тысяч повстанцев из граждан Огаревской, Плесинской и других волостей. Выслав двух парламентариев, они предложили бронепоезду сдаться, однако последний открыл пулеметный огонь, которым выступающие были рассеяны и разбежались в панике по домам».

Вот такие немалые силы были задействованы на подавление крестьянского восстания. Уже к 5 марта восстание было подавлено, но его тлеющие огоньки в различных уездах еще несколько дней продолжали будоражить власть. Полностью восстание прекратилось только в середине марта.

После окончания следствия перед судом предстали 702 человека, из них 98 судом были оправданы, а 604 человека были приговорены к различным срокам наказания.

И в завершении еще один небольшой штрих. Крестьянин села Ржаво Кузнецов Петр Михеевич за участие в крестьянском восстании был осужден к трем годам концентрационных лагерей. Свой срок отбыл, как говорится, от звонка до звонка и вернулся домой. Вскоре женился и зажил мирной жизнью.

Вадимир Трусов

(г. Мончегорск, Мурманская область)

ПОЛЯРНОСТЬ, КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТВОРЧЕСКОГО ДИАПАЗОНА (очередной экскурс в поэтический мир Кольского края)

Вадимир Вадимович Трусов — поэт, автор-исполнитель, публицист, прозаик, критик, член Союза писателей России. Заведующий отделом критики и литературоведения литературно-художественного журнала «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Лауреат международных и всероссийских конкурсов авторской и патриотической песни. Автор семи книг стихов и прозы. Постоянный автор журналов «Приокские зори» и «Север».

Поэтическое творчество четверых моих коллег, о коих я поведу речь в данной статье, на первый, да и на второй взгляд, казалось бы, не имеет между собой никаких точек соприкосновения и в каждом конкретном случае представляется если не совершенно, то весьма обособленным от остальных. Да и сами авторы — весьма разные люди, и по возрасту, и по складу характера, и по своим пристрастиям в поэзии. Однако же все они несомненно уже состоявшиеся и вполне самостоятельные творческие личности, что, впрочем, отнюдь не исключает необходимости дальнейшего совершенствования и профессионального роста. А их, если угодно, диаметрально противоположность наглядно демонстрирует поэтический диапазон Кольского Заполярья.

Екатерина Подгорнова (г. Североморск)

Екатерина Николаевна Подгорнова родилась и выросла в столице Северного флота, в семье военнослужащего. Окончила Мурманский государственный педагогический университет, факультет дошкольного воспитания. С 2005 г. участвовала в работе флотского литературного объединения «Полярное сияние». В 2010-м г. стала лауреатом Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри», а через год одним из победителей первого фестиваля-форума «Капитан Грэй» и восьмого Всероссийского межвузовского форума «Осиянное слово» им. Н.С. Гумилева. Также в 2011-м г. Екатерине была присуждена литературная премия губернатора Мурманской области им. К. Баева и А. Подстаницкого.

Стихи молодой поэтессы публиковались в городских газетах и ряде литературных альманахов. Вполне логичным результатом ее поэтического творчества стало издание сборника стихов «Шла весна» (2011 г.). В 2019 г. увидел свет второй сборник — «Паутинка — мостик хрупкий».

*Мой внутренний кот возмущен и взъерошен.
Он хочет с досады фырчать и шипеть.
Мой внутренний кот, в целом, очень хороший
И многое, в общем, способен стерпеть.*

*Но кто-то решил против шерсти погладить,
Другие, шутя, наступают на хвост,
Забыв, что ответить зверь может, не глядя
На чью-то весомость и свой малый рост.*

*Мой внутренний кот молчалив и бесстрашен,
Не любит шуметь, в ход пускать кулаки...
Он любит рассветы и пшеничную кашу,
И шерсти пушистой цветные клубки.*

*Он любит прогулки и мягкие пледы,
Улыбки детей и ванильный пломбир,
Он любит понежиться после обеда.
И лапою рыжей обнял целый мил!*

*Мой кот — оптимист, солнца теплого лучик.
Невзгоды и рифы житейских морей...
Он вынесет все! Только было бы лучше,
Чтоб люди хоть чуточку стали добрей.*

И для поэтики Екатерины Подгорновой, и для всей ее поэзии в целом характерны внутренняя теплота и очень органичная, неподдельная, чистая душевность. Помоему, эти качества и в жизни являются для Екатерины, так сказать, опорными, основополагающими, дающими ей определенное преимущество перед сиюминутной злободневностью и нарочитой актуальностью диктуемых современной жизнью тем и направлений движения и развития как отдельного человека, так и общества в целом. Стихотворения Екатерины нельзя назвать не актуальными или отстраненными от повседневных забот и переживаний, однако же они одновременно являют нам тот внутренний мир, без коего ни один человек не может таковым именоваться, на который каждый из нас имеет право, и который автор в своих стихах определенным образом, хоть и не вполне явно, отстаивает. Так проявляется творческая и человеческая индивидуальность Екатерины, неподдельно верящей в доброе, разумное, вечное, причем, именно в таком порядке, и очень дорожащей всем тем, что составляет понятие человечности. И ведь совсем неспроста однажды обмолвились братья Стругацкие «...Человечность — это серьезно...».

*Чьих-то теплых чувств глашатай
Сломлен... Смят... Раздавлен... Предан...
Розу снега белой ватой
Заметет уже к обеду.
И прохожий не узнает
В этот зимний день морозный —
Чье-то сердце замерзает
Вместе с брошенной розой...*

Екатерина, несомненно, личность цельная и вполне самодостаточная, именно поэтому в ее стихах присутствует явно или подспудно извечная и невероятно сложная тема взаимоотношений с собственной совестью. И то верно, обмануть кого-либо или обмануться самой еще возможно, хоть и на время, но вот совесть свою не обвести вокруг пальца, не затуманить; ее возможно начисто лишиться, но это уже совершенно иной случай. А ежели душа и сердце есть, то и от совести никуда не деться. Именно поэтому и признается автор: «Жизнь свою пишу, как повесть, // Узник плос-

кости листа. // За моей спиной совесть — // Не спокойна, не чиста.... // ...Как оваций ждет артистка, // Покаяний совесть ждет... // жизнь и душу заключаю // В клетку чистого листа... // И навеки за плечами // Совесть — памяти сестра».

Однако же наряду со столь весомыми и серьезными духовными, с позволения сказать, «обременениями», лирическая героиня Подгорновой умеет радоваться жизни, любви, молодости и готова приносить радость людям, как близким, так и вполне посторонним на первый взгляд. Отчего лишь на первый? Да оттого, что она отзывчива и доброжелательна к окружающим, и в этом ее огромное человеческое преимущество перед очень и очень многими. Но ни лирическая героиня, ни автор этого ставить себе в заслугу не станут. Для них естественно желание: «...Быть тонкой и звонкой // Той радостной, прежней, // Оставшейся в сердце девчонкой! // Как прежде мечтать, // Чудесам удивляться без устали, // По опыту — знать, сердцу — верить, // Не жертвовать чувствами. // Чтоб бедам назло // И под натиском лет не сдаваться, // Других не предав, // Самой лучшей Собой оставаться». И одновременно «...нужной быть тому, // Кто для нее единственно хороший, // Любить всем сердцем, вопреки всему, // Любить взахлеб и не жалеть о прошлом...».

Поэтическое разнообразие произведений Екатерины Подгорновой, конечно же, не исчерпывается приведенными примерами, обо всем попросту не позволит рассказать формат данной статьи, а мне, например, очень импонирует цикл ее стихотворений «Поиграем в города», вошедший во второй сборник. Всем желающим убедиться в моей правоте остается прочесть книгу «Паутинка — мостик хрупкий». Творчество Подгорновой свежо и даже воздушно, что отнюдь не означает легковесность или некую новаторскую экстравагантность, напротив, она сумела придать традиционности современную трактовку и сказать о казалось бы всегда присутствующем в нашей жизни по-своему и, значит, по-новому. Единственное, чего, наверное, не вполне хватает моей коллеге, это более частого и глубокого общения в профессиональной среде, где ее уважают и ценят, а также скорейшего приема в ряды Союза писателей России, ведь у Екатерины все для этого есть, и формально, и по сути. И хочется пожелать ей дальнейшего плодотворного творчества, а вам, почтеннейшие читатели, более подробного знакомства с поэзией еще одного представителя славной земли Кольской.

Мария Плоскинная (г. Мурманск)

Мария Олеговна Плоскинная уроженка Мурманска. Окончила Мурманский государственный гуманитарный университет, отделение иностранных языков. Преподает английский язык в Кольском транспортном колледже. Стихотворным творчеством, по ее словам, увлеклась еще в детстве, а всерьез стала относиться к поэзии с 16 лет. Неоднократная участница фестиваля-форума «Капитан Грэй», где всегда получала рекомендации для участия в финале Всероссийского межвузовского форума «Осиянное слово» им. Н. С. Гумилева в Перedelкино (диплом второй степени в финале 2018 г., причем, диплом первой степени жюри не присудило никому из молодых поэтов-участников). Лауреат литературной премии губернатора Мурманской области им. К. Баева и А. Подстанникова за 2020 г. в номинации «Поэзия». На мой взгляд, в настоящее время Мария Плоскинная является одним из ярко выраженных лидеров молодежного «поэтического крыла» Кольского Заполярья. Автор двух поэтических сборников: «Закон заполнения пустоты» (2018 г.) и «Инсомния» (2019 г.).

*В синем городе тьма отступает за окоем,
Возвращаются чайки — орать и клевать гнилье,
Но незримая смерть методично удавку вьет —
И накинет петлей, и сомнутся под ней границы.*

*Город носит в себе своих будущих мертвецов —
И никто не захочет под маской терять лицо,
Говорят: «все пройдет». Ну должно же, в конце концов?!
В синем городе не осталось, кому молиться.*

*Что тюрьма, что сума, да корона — потяжелей,
Ее зубья остры и смертельны — кого жалеть?
Смерть смеется, гребенкой тонкой — кровавый след —
Проредила все улицы, дворики и проспекты.*

*И кому повезло меж зубцов ее проскользнуть,
Тот и думает — значит, выдюжу, выживу как-нибудь.
Но петля вокруг города общую давит грудь,
Этим как бы пытаюсь сказать: ваша песня спета.*

Мария Плоскинная, впервые появившись несколько лет назад среди участников форума-фестиваля «Капитан Грэй», уже на предварительной стадии знакомства с конкурсными материалами обратила на себя внимание экспертов жюри, сразу выделившись на общем фоне весьма зрелыми по содержанию и практически безупречными по форме стихотворениями. Помарки и недочеты, которые, конечно же, присутствовали, не оказывали существенного влияния на общее положительное впечатление от произведений Марии. Несомненный интерес вызывало и то обстоятельство, что Мария прошла через общение в поэтическом интернет-сообществе, ничуть не поддавшись его, подчас откровенно негативному, влиянию, когда авторы работают, руководствуясь негласными девизами: «я так вижу» и «что хочу, то и ворочу», и не утрачивают себя ответственным отношением к рожденным ими «перлам». Помнится, единственная претензия к некоторым стихотворениям автора состояла в излишнем увлечении поэтикой, в густой метафоричности, которая размывала основную тему и цель произведения, откровенно мешая его восприятию. Но сие было, наверное, обратной стороной яркого поэтического дарования Марии, и потом, она довольно быстро устранила этот недостаток. Опять-таки, если поначалу в ее стихах явно чувствовалось влияние поэзии Иосифа Бродского, то впоследствии оно становилось не столь уж заметным, и сегодня можно сказать, что уже Мария обретает собственно авторский почерк и собственную стилистику. Да, «школа Бродского» иногда все-таки дает о себе знать, но не думаю, что это можно считать существенным недостатком при том уровне поэтического дарования, коим обладает молодая поэтесса.

*Есть люди, в чьих чреслах — огонь, а на лицах мед,
Идет — что танцует, а говорит — поет.
А я — горбунья трехпалая, лик печальный.
Мать родила меня мертвую изначально.*

.....
*Есть люди — балагуры, весельчаки,
А есть адепты вечно пустой руки,
Вечно пустой души и гнилого сердца,
Адепты слабости, трусости, лицемерства.
Ну такие... чтобы вам понимать...
Такие, как моя мать.*

Творчество Марии Плоскинной близко и понятно мне по двум, пожалуй, причинам: во-первых, и я в свое время испытал сильнейшее влияние поэзии уже упомяну-

того Иосифа Бродского (после чего, впрочем, вполне логично прибавил в заочные учителя еще и Глеба Горбовского), а во-вторых, аз грешный, как и Мария, ярко выраженный «горожанин», если вспоминать довольно давною уже и несомненно во многом условную, но широко применявшуюся в свое время, литературную классификацию. Мария, несомненно, дочь уникального заполярного города, она по рождению и по сути истинная мурманчанка и у нее свои, особые отношения с малой родиной.

*Мурманск, сопки унылых камень,
Грейся, трогай тебя руками,
Снег в апреле на самом деле,
Я в такую весну не верю.
Перекрестные крики чаек,
Корабли, маяки, причалы.
Незамерзший залив туманом
Укрывается спозаранок.
Под асфальтом, в его прорехах
Змей живет в соляных доспехах,
Дыбит спину, вздымает гребень,
До сиянья на черном небе.*

.....

*Мурманск дождь, темнота и слякоть,
Длинной коброй в грудную мякоть
Полуострова ты вонзился
Из болот, изо мхов родился.
Вздыбил сотни многоэтажек,
Вырос центрами распродажи,
Магистралями и мостами,
Что навеки вмерзают в камень.
Край брусники, грибов, морошки,
Притворяйся для всех хорошим.*

Что в этих строках, если не любовь? И пусть вас не смущает неоднозначность образов и оценок, любовь ведь отнюдь не проста и, зачастую, не состоит из восхвалений и восторгов. Мария — поэт, не только тонко ощущающий мир вокруг, но и глубоко мыслящий художник, ее поэтическая аналитика подчас довольно резка и местами беспощадна, и понятно отчего — далеко не все «углы сглажены» в жизни, да ведь и «самое страшное в мире — это быть успокоенным»... И очень радуется, что пока еще в стихах молодой и очень яркой как внутренне, так и внешне, женщины присутствует некое, уж простите за каламбур, «девчоночье мальчишество», то есть, уже осознанное, наполненное иронией, но изначально спонтанное юношеское озорство, и, кстати, что весьма ценно, вполне серьезное озорство. Дай Бог, чтобы оно подольше не исчезало. Тут уж сами, как знаете, понимайте и толкуйте: «Лес смеется: домой иди, человек, // И отныне судьбы не видать иной: // Будешь символом всех несчастливых женщин, // Нелюбимой ничьей женой». К тому же сие качество еще и средство самообороны. От чего и кого? Да от всего и от всякого. Экзистенциальность для многих и многих одновременно и *modusviviendi*, и *modusoperandi*. Главное, очевидно, не возводить такую позицию в абсолюте. И Мария недвусмысленно говорит об этом: «Тут надо бы просто, но я не могу без сложностей. // На месте «сестры таланта» давно — дыра. // Мой смысл том, чтобы быть счастливой. И по возможности // Не умирать». Согласитесь, не самые плохие откровения, по крайней мере честные и лишенные цинизма, что нынче большая редкость, ибо как-то исподволь, незаметно, чест-

ность и цинизм становятся в современном мире чуть ли не синонимами. К тому же Мария все равно, более чего-либо иного, доверяет красоте и верит в ее силу, в ее способность «спасти мир», как завещал нам Ф. М. Достоевский, по сию пору безусловно остающийся главным духовным наставником нации.

*Счастлив не тот, кто умеет сжигать мосты,
Кто чужим караваем легко набивает рот свой,
А тот, кто заметит краешек красоты
Перед прыжком в уродство.*

.....

*Тот, кто, идя босым по росе на казнь,
Не видит в костре угрозы и безнадёги,
Он чувствует, как — пусть в самый последний раз —
Теплое пламя ему согревает ноги.*

*Как тот осьминог, застрявший в сыром песке,
На берег случайно выброшенный приливом,
Не думает ни о смерти, ни о тоске.
Он смотрит на небо и думает: как красиво!*

Повседневная наша жизнь — явление, в стереотипных своих обыденности и ремесленности, довольно безжалостное и даже жестокое. Отраден тот факт, что поэтесса Мария Плоскинная, несмотря на подобные проявления, несомненно, любит жизнь, умея находить в оной свет, любовь и надежду. Недаром же рождаются такие вот, спокойные, без восклицаний особых, откровения: «Я люблю тебя, мясорубка»... У молодой моей коллеги, я более чем уверен, все еще впереди, и новые, несомненно прекрасные, стихи, и публикации, и поэтические сборники, и неперемнное членство в Союзе писателей России, и обязательное признание широкой читательской аудитории.

Виталий Коротаевский (г. Мончегорск)

Виталий Борисович Коротаевский родился, вырос и живет в городе металлургов Мончегорске. По первому образованию слесарь-ремонтник, тем не менее всегда удачно совмещал производственную деятельность не только с поэтическим творчеством, но и с любительским театром, а также с журналистикой. В разные годы Виталий Коротаевский работал корреспондентом городской газеты «Добрый день» и Мончегорского телевидения. В настоящее время является госинспектором Лапландского биосферного заповедника. Первые серьезные шаги на ниве стихосложения были сделаны Виталием в литературном объединении под руководством Сергея Каплана. В настоящее время он является активным участником городской общественной организации «Цех Изящной Словесности» и входит в состав оргкомитета Мончегорского традиционного фестиваля авторской песни «Дни В. Высоцкого на Кольской земле». Стихи Виталия Коротаевского публиковались в городских и областных газетах. В 2019 г. вышел первый поэтический сборник «До полной тишины».

*Эпоха летних отпусков
На днях истлела. Все кучнее
Народ в маршрутках; все тучнее
Ржаное тесто облаков.*

*И все печальнее по ним
Струится акварель закатов;*

*Все шире желтые заплаты
На распахнутой листве осин,
Берез и верб. И снова мы
Сбиваемся, как в стаи, в семьи,
Чтоб не убили нас ни темень,
Ни холод будущей зимы.*

*И без молитвы, без поста
Всяк понесет свой крест житейский.
И снова будет мир нам тесен,
И твердь небесная пуста.*

*Пропустим первую звезду,
По рюмке водки пропуская.
И мальчик в люльке заморгает,
Тревожа криком пустоту.*

Поэтическое становление Виталия Коротаевского явилось прямым следствием его творческого труда и самообразования. Не все давалось ему легко и сразу на пути обретения и в особенности совершенствования своей стилистики, манеры изложения, применения средств формирования художественного образа. Очень подробно и весьма систематически знакомься с отечественной и зарубежной поэзией, и вообще литературой, Виталий, по моему мнению, был изначально очарован разнообразием стихотворных приемов и языковых средств, и воспринял их применение при написании стихотворений как практически обязательное руководство к действию. Поэтому его ранние стихи были откровенно перенасыщены художественными тропами, метафорами и прочая, что, опять-таки, мешало целостному восприятию произведений читателями, да и автора сбивало с основной темы, хоть и не в дали дальние уводя, но порядком отвлекая на второстепенные образы и рассуждения. Тем не менее, Виталий Коротаевский рук не опускал, а продолжал упорно совершенствовать свое дарование и, надо сказать, весьма преуспел на этом поприще. Конечно, без явных художественных пристрастий не обошлось, и огромное влияние на творчество моего коллеги и близкого друга оказала поэзия А.А. Фета, стихами которого Виталий буквально зачитывался.

*Растаял самый длинный день.
И перламутровое небо
В озерной нежится воде.
И за полночь уже. А слева
Все те же горные хребты;
А справа тянется дорога.
Кольшет ветерок кусты;
Кольшет суета тень Бога,
Что вечной стрелкой по душе
Скользит, упав от солнца к ночи...
День новый близится уже;
И будет он уже короче.*

Поэтика Виталия Коротаевского с годами вызрела, освободилась от былой размашистости и громоздкости, стала ровнее и лаконичнее, утратив в определенной степени свой диктат при создании стихотворных форм и произведений в целом. Нет, она не отошла на второй план, просто автор научился обуздывать свои эмоции и нахо-

дить им точное поэтическое воплощение. Думаю, что в этом ему очень помогло не просто знакомство, но по сути изучение творчества Ф. И. Тютчева и Н. С. Гумилева. «Эти смутные времена... // Скольким их в истории нашей!.. // Вот и век двадцать первый. Страна // На костях чьих-то судеб пляшет. // На истории скольких путях // Под Вивальди никто не печалится; // Только падшие души грустят, // Слов любви ожидая отчаянно». Это строки из стихотворения «Кленовая ветка», посвященного памяти Натальи Смирновой, учительницы русского и литературы, первой заметившей в юном своем ученике склонность к сочинительству и благословившей его на литературное творчество. Обращение к гражданской лирике, в целом не характерной для поэзии Виталия, являет нам еще одну грань творчества поэта, но, на мой взгляд, не становится для него чем-то основополагающим, ибо его глубокое пристрастие к лирике пейзажной превалирует, и зачастую иные мотивы и темы автор реализует именно посредством оной. «Осенняя любовь... Порывы ветра. // Дождей ободранные кисти // Размазывают по асфальту листья. // И пьет печальная Деметра // Из луж вино, в котором забродили // Рябин оборванные гроздья. // И жизнь плывет, как бунинская проза, // Классическим трагичным стилем».

Метрика и ритмика стихов Коротаевского своеобразна и узнаваема, она порой словно враскачку идет, немного прихрамывая, я, например, безошибочно отличаю его стихи от любых других, хоть среди ночи меня разбудите. А еще мой друг и коллега глубоко, искренне верующий, православный человек, и Господь несомненно помогает ему в столь непростом и подчас неблагодарном деле, как изящная словесность.

*Идти и ждать; и, умирая, жить;
Быть нищим, но всегда платить по счету;
Быть во грехе, и во Христе, но — быть;
И верить, и надеяться на что-то!..*

У поэта сложные отношения со своим лирическим героем, и, не скрою, я частенько пеняю ему на сие обстоятельство. Лирический герой Виталия, по моему мнению, пока что укрывается в густых пейзажах или пространных рассуждениях и умозаключениях, но вот обнаруживать себя в яви особо не желает, а его морально-нравственную позицию и жизненные установки автор зачастую обосновывает или декларирует отвлеченно, без привязки к его персоне. Тем не менее, это обстоятельство лишь обуславливает одно из направлений дальнейшего развития творческого уровня автора. В целом же, убежден, что пример Виталия Коротаевского, явившего нам симбиоз природного поэтического дарования и редкого трудолюбия на литературном поприще, несомненно, достоин уважения, а его поэзия будет обретать признание все более широкого круга читателей. А признание в профессиональной среде обратив по перу уже, собственно, состоялось.

Григорий Сыпко (г. Мончегорск)

Григорий Вадимович Сыпко родился в Киеве, но вполне может считаться коренным мончегорцем, ибо с младенческого возраста живет в нашем городе. По специальности инженер-лесотехник, окончил Санкт-Петербургскую лесотехническую академию, долгое время трудился в Лапландском биосферном заповеднике и Мончегорском лесничестве. Стихи стал писать совершенно спонтанно и даже неожиданно для себя. Обладает ярко выраженной поэтической индивидуальностью, о чем и пойдет речь ниже. В 2010 г. принят в Союз писателей России, также является членом Мончегорской общественной организации «Цех Изящной Словесности» и оргкомитета традиционного городского фестиваля авторской песни «Дни В. Высоцкого на Коль-

ской земле». Публиковался в городской и областной периодике, а также в литературных альманахах «Мурманский берег» и «Площадь первоучителей». Автор сборника стихов «В обнимки с Бабою-Ягой» (2009 г.).

*Если вы читали «Колобка»,
Значит, Русь жива еще пока.
Есть еще начитанные люди,
Равных нет которым и не будет!*

*Заграница в бескультурье тонет.
Ест и спит, валяет дурака.
Никакой буржуй нас не догонит,
Если читаем «Колобка»!*

*Выкинь джинсы и дурную кепку.
Мы в лаптях получше будем жить!
Прочитай еще вдогонку «репку».
Там ты или тут? Пора решить!*

*Пепси-колу вылей на лужайку.
Лучше квас и нивы под ногой.
И родную, теплую фуфайку.
И в обнимки в Бабою-Ягой!*

При первом прочтении стихотворений Григория Сыпко многим может показаться, что он прямой наследник «обэриутов» и продолжатель традиций, заложенных творчеством Николая Алейникова, Александра Введенского и ранними произведениями Николая Заболоцкого. Однако же смею утверждать, что сие по крайней мере не совсем так. А точнее и совсем не так, ибо никакого влияния «обэриутов» Григорий не испытывал и под обаяние их произведений не попадал. Он их попросту во время оно еще не читал, а писать свои стихи начал, повторяю, совершенно спонтанно, очевидно накопив в душе сверх меры иронии и комичных ситуаций, связанных и с работой, и с повседневной жизнью вообще. Начинал он с таких вот четверостиший, записанных на чем попало, чаще всего на небольших клочках бумаги: «Заспорили, сгучая тучи // Каренина и Берлиоз: // Он ей кричит, трамвай, мол, лучше! // Она в ответ: — Нет, паровоз!». Или еще в том же ключе: «Ты нырнула с аквалангом, // С пережатым дважды шлангом. // День прошел. Скажи-ка мне, // Чем ты дышишь в глубине?». Аудитория, а Григорий начинал читать свои перлы на бардовских фестивалях, так вот, аудитория принимала все буквально «на ура», готовая одобрять хохмы без счета, не замечая даже явных недостатков и огрехов. Да и коллеги-поэты в массе своей поначалу были от Григория просто в восторге, что, как мне кажется, сослужило в итоге не самую лучшую службу нашему автору, поскольку мешало дальнейшему его совершенствованию.

Григорий, как и Виталий Коротаяевский, мой близкий друг, оттого я и воспринимал все, с ним в творческом плане происходившее, весьма близко к сердцу, понимая, что мой собрат по перу весьма стихийен в поэтическом труде и пишет аки господь на душу положит, то есть когда осенит или, ежели перетолмачить на современный молодежный сленге, «торкнет». В довольно краткие сроки выпустив в серии «Первая книга поэта» сборник стихотворений, будучи принят в Союз писателей России, Григорий Сыпко не то чтобы остановился и перестал писать, но... отчего-то опять начал «творить в стол», не стремясь ни опубликовать свои новые стихи, ни даже представить их публике. Он точно ждал, что придут добрые дяди и помогут ему издать вто-

рую книгу. А она, собственно, была, но в компьютерном варианте, собранная Сергеем Сыроевым, и называлась «В трех минутах от печали...». Ее следовало бы немного подправить, заменив стихотворения, вошедшие в «Обнимки с Бабою-Ягой» на вновь написанные, и получился бы вполне достойный сборник. Но не случилось пока. И почитатели творчества Григория пока довольствуются россыпью запечатленных по отдельности стихотворений. «Как во наших во лесах // Нашли дедушку в трусах. // Весь искусан комарами // И гнездо на волосах»; или «Чемпионат по прыжкам на батуте... // Зритель болел: похвалил, укорял. // Всех удивив, на последней минуте, // Лучший батутчик в плафоне застрял». Иногда кажется, что подобные строки автор даже не обдумывает, а просто извлекает из «глубин подсознания», но ведь в большинстве случаев «извлечения» его поразительно точны, ироничны и даже, если угодно, актуальны. Такое вот причудливо организованное дарование, а возможно и вовсе не организованное. Жаль, если мой друг и коллега не сдвинет себя на нечто большее, нежели подобные, все реже и реже происходящие, озарения. Однако в данной ситуации помочь Григорию Сыпко может только он сам и никто более. Надеюсь, что это все-таки произойдет в конце концов. Время еще есть, хоть его и остается с каждым днем все меньше и меньше.

*Нет на складе новых колунов...
Так, быть может, наколот бы дров.
Рукавиц там нет и бензопил...
А не то бы печку протопил...
Мерзну и любуюсь на свечу...
Просто я работать не хочу.*

Надеюсь, что объявленные в заголовке полярность и творческий диапазон мне удалось наглядно продемонстрировать. А коли так, то вполне логична будет констатация сохраняющейся и сегодня правомочности высказываний всем известных исторических личностей о прирастании богатства российского провинциями (хоть в оригинале и обозначена лишь Сибирь), а еще о более длительном сохранении пассионарной энергетики на границах ареала обитания. Не стану возводить эти постулаты в абсолют, но и забывать их не следует. Никому и никогда.

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

ПАСХА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*День православного Востока,
Святись, святись, Великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!*

Ф. И. Тютчев

В Евангельском послании святого Апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, «дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех» (Евр. 2: 9), «И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2: 15); «Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа» (Гал. 4: 7).

Таким образом, событием Христова Воскресения утверждается ценность и достоинство человека, который уже не является узником и рабом собственного тела, но наоборот — вмещает в себя все мироздание. В Богочеловечестве Христа сквозь телесное естество сияет неизреченный Божественный Свет: «Одеялся светом, яко ризою, наг на суде стояще и в ланиту ударения принят от рук, их же созда».

В Пасхе заложена также идея равенства, когда словно сравнялись, сделались соизмеримыми Божественное и человеческое, небесное и земное; утверждается полнота величественной гармонии между миром духовным и миром физическим.

Праздничный эмоциональный комплекс радостной приподнятости, просветления разума, умиления и «размягчения» сердца составляет ту одухотворенную атмосферу, которая в пасхальном рассказе становится нередко важнее внешнего сюжетного действия. Внутренним же сюжетом является пасхальное «попрание смерти», возрождение торжествующей жизни, воскрешение «мертвых душ». Лейтмотивом в русской пасхальной словесности звучит торжественно-ликующий православный тропарь:

«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!»

В отечественной литературе Н. В. Гоголь наиболее точно выразил не только общечеловеческий, но и национально-русский смысл православной Пасхи: «Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется как следует <...> в одной его земле? <...> раздаются слова: «Христос воскрес!» — и поцелуй, и всякий раз также торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гудят и

гудут по всей земле, точно как бы будят нас! <...> где будят, там и разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе <...> есть уже начало братства Христова в самой нашей славянской природе, и поворотные люди были у нас родней даже и кровного братства)*.

История отечественной литературы впитала в себя христианскую образность, особый язык символов, «вечные» темы, мотивы и сюжеты, притчевое начало, уходящее своими корнями в Священное Писание. Светлое Христово Воскресение явилось духовной сердцевиной русской пасхальной словесности.

Пасхальный рассказ как особый жанр был некогда незаслуженно забыт, а вернее — злонамеренно сокрыт от читателя. Пасхальная словесность третирировалась с вульгарно-идеологических позиций как «массовое чтение» — якобы малозначительная, бесследно прошедшая частность «беллетристического быта» нашей литературы. Теперь этот уникальный пласт национальной культуры обретает путь к своему (поистине — пасхальному!) возрождению.

Глубоко прав был в своем пророчестве Н. В. Гоголь: «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — праздник Светлого Воскресения воспряднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!»**.

Ведущие идеи праздничного мироощущения — освобождение, спасение человечества, преодоление смерти, пафос утверждения и обновления жизни. В этот свод включаются также идеи единения и сплочения, братства людей как детей общего Отца Небесного. Как писал Гоголь о Пасхе, «день этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него человека».

В духовной сущности великого христианского «праздника праздников» открылась Гоголю внутренняя связь славной героической истории русского народа с его нынешним состоянием: «От души было произнесено это обращение к России: «В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему?...» В России теперь на каждом шагу можно сделаться богатырем. Всякое звание и место требуют богатырства»***.

Отсюда родилась и уверенность в грядущем пасхальном возрождении России и русского человека: «есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если представит нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев себя, как в двенадцатом году, не пожалев имущества, жгли дома свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек».

Пасха Христова внушает писателю упования на русское духовное единение: «И твердо говорит мне это душа моя; и это не мысль, выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются. Внушеньем Божиим порождаются они разом в сердцах многих людей, друг друга не видавших, живущих на разных концах земли, и в одно время, как бы из одних уст, изглашаются. Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: "У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресение Христова!"»****.

Глава «Светлое Воскресение» явилась мощным в идейно-эстетическом плане

* Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М.: АН СССР, 1937—1952.— Т. VIII.— С. 409—418.

** Там же.

*** Там же. — С. 291 — 292.

**** Там же. — С. 409 — 418.

финальным аккордом, выразила «святое святых» **«Выбранных мест из переписки с друзьями»** (1847). «Идея воскрешения русского человека и России» стала пасхальным сюжетом гоголевской «книги сердца». Рассмотрев идеи пасхальных рассказов: «духовное проникновение», «нравственное перерождение», прощение во имя спасения души, воскрешение «мертвых душ», «восстановление человека»,— В. Н. Захаров пришел к справедливой мысли о том, что «если не все, то многое в русской литературе окажется пасхальным»*.

По своему смысловому наполнению, содержательной структуре, поэтике чрезвычайно схожи святочные и пасхальные рассказы. Не случайно в XIX столетии они нередко публиковались в единых сборниках под одной обложкой**. «Одноприродность» пасхальной и святочной словесности проявилась в их взаимопроникновении и взаимопереплетении: в святочном рассказе проступает *«пасхальное»* начало, в пасхальном рассказе — *«святочное»*. Так, например, главное событие святочного рассказа Н. С. Лескова **«Фигура»** (1889) происходит под Пасху; лесковский «рождественский рассказ» **«Под Рождество обидели»** (1890) содержит пасхальный эпизод. В пасхальном рассказе А. П. Чехова **«Студент»** (1894) воспоминания о событиях Страстной Седмицы (отречение Апостола Петра) представлены на фоне почти святочного, по-зимнему морозном: «Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха»***. В то же время в чеховском рассказе **«На святках»** (1900) явственно проступает возрождающее пасхальное начало. Очевидно нравственно-эстетическое воздействие «рождественского рассказа» **«Запечатленный Ангел»** (1873) Н. С. Лескова на русский литературный процесс в целом, и в частности — на пасхальный рассказ А. П. Чехова **«Святою ночью»** (1886).

Лесковский **«Запечатленный Ангел»**, которому в нынешнем году исполнилось 140 лет, имел громадный успех у читателей, стал общепризнанным шедевром еще при жизни автора. По словам Лескова, рассказ «нравился и царю, и пономарю»****. **«Запечатленного Ангела»** узнали «на самом верху»: императрица Мария Александровна выразила желание послушать это произведение в чтении автора.

«Проста, изящна, чиста <...> прекрасная маленькая повесть г. Лескова «Запечатленный Ангел», — отмечал православный мыслитель и публицист К. Н. Леонтьев. — Она не только вполне нравственна, но и несколько более церковна, чем рассказы графа Толстого»*****.

Ключевое слово-образ в **«Запечатленном Ангеле»** — «чудо». Оно играет и переливается разными красками, смыслами и даже сверхсмыслами, насыщено сакральными знаками Сил Небесных. Весь свод «чудес», «дивес», «преудивительных штук» неуклонно подводит к основному чуду в кульминационной точке сюжета — общечеловеческому единению, осуществлению желания с Божьей помощью «воедино одушевиться со всею Русью»*****. В этом смысле знаменательно, что герои-артельные строят *мост*, символизирующий прорыв раскольничьей обособленности в православный мир. Лесков устами отшельника Памвы выражает свою горячую веру в то, что все — «уды единого тела Христова! Он всех соберет!» (1, 436).

* Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр.— Петрозаводск: ПетрГУ, 1994.— С. 252, 256.

** См., например: Баранцевич К. С. Чудные ночи. Рождественские и пасхальные рассказы и очерки — М., 1899.

*** Чехов А. П. Избранное: В 3-х т.— М.: Векта, 1994.— Т. 2.— С. 510. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера тома и страницы арабскими цифрами.

**** Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т.— Т.11.— М.: Гослитиздат, 1958.— С. 406. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера тома римской цифрой, страницы — арабской.

***** Леонтьев К. Н. Анализ, стиль, веяние // Вопросы литературы.— 1988.— № 12.— С. 210.

***** Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т.— Т. 1.— М.: Правда, 1989.— С. 455. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера тома и страницы арабскими цифрами.

Образ жизни в лесном скиту «беззавистного и безгневного» (1, 436) смиренного «анахорита»: «соглуби ему — он благословит, прибеи его — он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением!» (1, 438) — напоминает житие аскета-пустынника преподобного Серафима Саровского, с его благодатным путем подвигов молитвы и самоотречения. Эту параллель подтверждает авторитетный источник: «изрядный, по основному образованию, знаток церковности, А. А. Измайлов без колебаний признал в беззавистном и безгневном лесковском праведнике Памве Серафима Саровского»*, — затворника Саровской пустыни, чудотворца. Образ преподобного связан с многочисленными знаменами, чудесами, окутан легендами, свидетельствующими о его почитании в народе.

Так и старец Памва возникает в «Запечатленном Ангеле» среди лесной глуши внезапно, точно сказочный добрый помощник, Божий посланник, стоило только заблудившимся героям попросить высшие силы о помощи: «Ангеле Христов, соблюди нас в сей страшный час!» (1, 434). Появление отшельника воспринимается вначале как явление «духа»: «из лесу выходит что-то поначалу совсем безвидное, — не разобрать» (1, 434). Но, приглядевшись, герой-рассказчик не может про себя не воскликнуть: «Ах, сколь хорош! ах, сколь духовен! Точно Ангел предо мною сидит и лапотки плетет для простого себя миру явления» (1, 437).

«Раскол XVII века поселил тревогу и сомнения в русскую душу, — писал исследователь русской святости Г. П. Федотов. — Вера в полноту реализующейся Церковью на земле святости была подорвана»**. Однако в «Запечатленном Ангеле» старец, встретившись со святым отшельником Памвой, справедливо «держит рассуждать» о раскольничьем движении: «Господи! <...> если только в Церкви два такие человека есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевлен» (1, 439).

Духовная жизнь теплится, не угасает. Как замечал Г. П. Федотов: «найдется иногда лесной скиток или келья затворника, где не угасает молитва. <...> В пустынь к старцу, в хибарку к блаженному течет народное горе в жажде чуда, преображающего убогую жизнь. В век просвещенного неверия творится легенда древних веков. Не только легенда: творится живое чудо. Поразительно богатство духовных даров, излучаемых св. Серафимом. К нему уже находит путь не одна темная, сермяжная Русь. Преп. Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взшел на икону, среди святителей, из числа новейших подвижников. <...> Оптина Пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия»***.

Так же и старец Памва в повести Лескова толкует о грядущем «распечатлении» Ангела: «Он в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать...» (1, 439).

В разъединении друг с другом и с Богом люди ощущают себя не просто осиротевшими, они становятся «братогрызцами» (1, 431). Для установления истинно братских отношений необходимо обрести общий корень, общую опору — в христианском единении «едиными усты и единым сердцем <выделено мной — А.Н.-С.>» (1, 431).

Это высказывание отрока Левонтия проецируется на кульминацию и финал рассказа — переход героев-старообрядцев в новое духовное состояние через соединение с Православной Церковью. В то время как один из артельных — Лука Кириллов, спасая святыню, совершает свой самоотверженный переход по обледенелым цепям над бушующим Днепром, в храме совершается всенощная в память Василия Великого. Литургия содержит слова об общем духовном устремлении православных христиан

* Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2-х т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1984. — С. 400.

** Федотов Г. П. Святые древней Руси. — Paris: YMCA-PRESS, 1989. — С. 234.

*** Там же. — С. 235.

«едиными усты и единым сердцем», имеющие «мотив обретения «веры истинной» через церковное причастие»*.

Старообрядцы чудесным образом узрели «славу Ангела господствующей Церкви и все Божественное о ней смотрение в добротолубии ее иерарха и сами к оной освященным елеем примазались и Тела и Крови Спаса сегодня за обеднею приобщились» (1, 455). Имевшие «влечение воедино одушевиться со всею Русью» артельные «так все в одно стадо, под одного Пастыря, как ягнятки, и подобались, и едва лишь тут только поняли, к чему и куда всех нас наш запечатленный Ангел вел» (1, 455).

Чудесный финал идеально соответствует жанровой природе «рождественского рассказа»: героев-раскольников к Православной Церкви «перенес Бог» (1, 454), Ангелы вели, спасая светоносностью икон от гибели над ревушей бездной.

Сквозь святочные события явственно просвечивают мотивы пасхальные, возрождающие и воскрешающие. В глубинных эмоционально-смысловых пластах повести Ангел-спаситель уподобляется Самому Христу-Спасителю. В повествовательном пространстве текста различимы знаки сакральных начал. Так, петух («петелок»), возгласивший «Аминь!» человеческим голосом, и агнец — символ кротости и жертвенности, прообраз и одно из метафорических именовании Спасителя — обращают внимательного читателя к новозаветной пасхальной образности.

Пасхальный смысл лесковского «рождественского рассказа» и в том, что путь к Церкви староверов, ведомых Ангелом, лежит через поругание святых и страдание. Ангел-хранитель, говорит рассказчик, «Сам <...> возжелал себе оскорбления, дабы дать нам свято постичь скорбь и тою указать нам истинный путь». Здесь различимы слова Всенощного бдения: «крест бо претерпев, погребению предадеся, яко Сам восхоте; и воскрес из мертвых, спасе мя, заблуждающагося человека». Погребению уподоблено «запечатление» Ангела (наложение печати на иконописный лик). «Дело пропавшее и в гроб погребенное», — говорит Марк о поруганной иконе. Возможна следующая расшифровка заглавия лесковского рассказа: «Как Христос воскрес из «запечатленного гроба», «без истления», так и Ангел оказался невредим под сургучной печатью. <...> Вся история распечатления Ангела звучит как метафора Воскресения»**.

Несмотря на критическое замечание Ф. М. Достоевского в его статье «Смятенный вид» о том, что Лесков в финале поспешил разъяснить чудо, все же и рассказчика, и героев, и читателей не оставляет впечатление, что они стали «сопричастниками», «дивозрителями» (1, 410) утверждения Высшего Промысла, победы провиденциального начала. Объективную, непредвзятую точку зрения на святочное чудо сформулировал Лесков устами героя «Запечатленного Ангела»: «всяк как верит, так и да судит, а для нас все равно, какими путями Господь человека взыщет и из какого сосуда напоит, лишь бы взыскал и жажду единокровия его с Отечеством утолил» (1, 456).

Уместно вспомнить рассуждение святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, о двух путях и двух путеводителях: «На пути гладком и покатом путеводитель обманчив; <...> а на пути негладком и крутом путеводителем добрый Ангел, и он через многотрудность добродетели ведет следующих за ним к блаженному концу...»*** По собственному предсказанию, «не преполовляя дня» (1, 456), принял «блаженный конец» старик Марой, увидевший свечение и славу «церковного Ангела» (1, 454); еще ранее почил с миром отрок Левонтий, перед смертью по благословию старца Памвы узнавший, «какова господствующей Церкви благодать» (1, 431).

* Горелов А. А. Патриотическая легенда Н. С. Лескова (Поэтика преобразований и стилизация в повести «Запечатленный ангел») // Русская литература. — 1986. — № 4. — С. 163.

** Майорова О. «Проста, изящна, чиста...» (О «маленькой повести» Н. С. Лескова «Запечатленный Ангел») // 1-е сентября: Литература. — М., 1994. — № 2. — С. 2—3.

*** Цит. по: Православный календарь. Праздники. Жития святых. Молитвы. Апостольские и Евангельские чтения. Толкования святых Отцов Церкви. — М.: Онега, 1998. — С. 14.

«Этот Левонтий годами был сущий отрок <...> но великотелесен, добр сердцем, богочтител с детства своего и послушлив и благонравен <...> Лучшего соумудренника и содеятеля и желать нельзя было» (1, 418—419). Образ героя проецируется на оглашаемые главы Евангелия на литургии в память Василия Великого, предшествующей приобщению героев к Церкви. Речь идет об отроческих годах Иисуса: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем» (Лк. 2: 40).

В связи с образом отрока также по-новому осмысливается привычный в святочном рассказе мотив ребенка-сироты. С рыданиями поет Левонтий духовную песнь — плач библейского Иосифа, проданного братьями в рабство: «Кому повем печаль мою, Кого призову ко рыданию <...> Продаша мя мои братия!» (1, 430). Этот духовный стих, по слову отрока, «тайнственно надо понимать» и «с преобразованием» (1, 431).

Таким образом, Лесков выводит святочную идею сплочения из узких рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, общечеловеческой. Это тем более важно, что писатель с болью наблюдал распад человеческих связей, национальных устоев: «с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела» (1, 424).

Не дать порваться связи времен и поколений русских людей, восстановить «тип высокого вдохновения», «чистоту разума», который пока «суете повинуется» (1, 425), поддержать «свое природное художество» (1, 424) — главные цели создателя «Запечатленного Ангела».

Особая тема рассказа — отношение к русской иконе и иконописанию. «Запечатленный Ангел» — уникальное литературное творение, в котором икона стала главным «действующим лицом».

В «иконописной фантазии» «Благоразумный разбойник» Лесков признавался, что его «заняла и даже увлекла церковная история и сама церковность»: «я, между прочим, предался изучению церковной археологии вообще и особенно иконографии, которая мне нравилась»*. В год создания «Запечатленного Ангела» Лесков написал статью «О русской иконописи» (1873), в которой указал на огромное значение иконы в жизни народа: «тот, кто не может читать книг, с иконы, которой поклоняется, втверживает в свое сознание исторические события искупительной жертвы и деяния лиц, чтимых Церковью за их христианские заслуги» (X, 180).

Писатель радуется за возрождение русского иконописного искусства. Лесков уверен, что «икона непременно должна быть писанная рукою, а не печатная. <...> наши набожные люди <...> откидывают печатные иконы <...> «То,— говорят,— пряник с конем, а это пряник с Николою, а все равно пряник печатный, а не икона, с верою писанная для моего поклонения»... Иконы надо писать руками иконописцев, а не литографировать» (X, 182).

С годами писатель приобрел репутацию одного из лучших знатоков русской иконы. У Лескова имелось уникальное иконописное собрание: старинные иконы строгановского и заонежского письма, редкие поморские складни. В. В. Протопопов вспоминал огромный образ Мадонны кисти Боровиковского — «русский лик и отчасти как бы украинский». Судьба этой коллекции сейчас неизвестна, но с нее сохранился рисунок. Все иконы на рисунке различимы, узнаваемы. В фондах Дома-музея Н. С. Лескова в Орле хранятся три иконы. Одна из них «Спас во звездах» — с дарственной надписью писателя его сыну Андрею Лескову на Рождество.

Возможно, в «Запечатленном Ангеле» автор дает точное описание подлинника: «Ангел-хранитель, Строганова дела» (1, 400). Хотя рассказчик в ходе повествования неоднократно подчеркивает, что красота иконы неопишима, все же именно в

* Лесков Н. С. Благоразумный разбойник // Лесков Н. С. О литературе и искусстве. — Л.: ЛенГУ, 1984. — С. 191.

слове он умеет передать тончайшие отблески и игру красок, оттенки эстетического переживания при созерцании святыни: «глянешь на Ангела... радость! Сей Ангел воистину был что-то неопишное. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлоразжественный и этакий скоромощный; взор умилен; ушки с тороцами, в знак повсеместного отвсюду слышания; одеянье горит, рясны златыми преиспещрено; доспех пернат, рамена препоясаны; на персях младенческий лик Эммануилов; в правой руке крест, в левой огнепалый меч. Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреваты и русы, с ушей повились и проведены волосок к волоску иголкой. Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усика. Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься «осени», и сейчас весь стишаешь, и в душе станет мир. Вот это была такая икона!» (1, 400 — 401).

В иконописном фрагменте рассказа Лескова сохранен стиль русской агиографии во всей его чистоте и красоте, как он представлен у лучших писателей древней Руси — Нестора, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета. Богатство словесной культуры, развитая риторика, пышно изукрашенное «плетение словес» и — главное — «нравственная серьезность перед лицом красоты». На это свойство русского искусства указал С. С. Аверинцев. **Старинное слово «благообразие» выражает «идею красоты как святости и святости как красоты. Красота тесно связана в русской народной психологии с трудным усилием самоотречения»*. Праведность иконописца «совершенно неотделима от сверхличной святости иконописания как такового»**.**

Художник Юрий Селиверстов в частном письме утверждал, что «икона никогда не была искусством и не будет. Икона не произведение, но молитва — и только! Она и вне времени, и вне пространства. Она везде. Создавалась она руками чистыми, чистой душой, воспарением духа. По Духу Святому. Вот почему и прикасаться к ней можно только очищенным и в чистоте желающему быть...»***.

В отличие от полотен светских художников, которые «изучены представлять то, что в теле земного, животолубивого человека содержится», икона — творение боговдохновенное: «в священной русской иконописи изображается тип лица небожительный, насчет коего материальный человек даже истового воображения иметь не может» (1, 423). Потому и отправляются герои «Запечатленного Ангела» в долгий путь на поиски «изографа» — истинного христианского иконописца.

Известно, что «изограф Севастьян» в рассказе во многом списан с «художного мужа» Никиты Савостьяновича Рачейскова, с которым был дружен Лесков. Сыну писателя запомнилась прежде всего духовность в колоритном облике мастера. Он настолько был «растворен» в иконописи, что и внешностью своей напоминал древнее искусство: «был стилин с головы до пят. Весь Строганова письма. Высок, фигурой суховат, в черном армячке почти до полу, застегнут под-душу, русские сапоги со скрипом. Картина! За работой <...> весь внимание и благоговейная поглощенность в созидании Деисусов, Спасов, Ангелов, «воев небесных» и многообразных «во имя». <...> лик постный, тихий, нос прямой и тонкий, темные волосы серебром тронуты и на прямой пробор в обе стороны положены; будто и строг, а взглядом благостен. Речь степенная, негромкая, немногословная, но внятная и в разуме растворенная. Во всем образе — духовен!»****.

Только Христос «мог установить между истиною и красотой тот союз мира, из которого потом возникло христианское искусство»***** , — подчеркивал профессор богословия Ф. Смирнов.

* Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст. — М.: Наука, 1990. — С. 70.

** Там же.

*** Цит. по: В. А. Художник Юрий Селиверстов // Вестник Христианского движения. — Paris: YMCA-PRESS, 1977. — № 1. — С. 276.

**** Лесков А. Н. — Указ. соч. — Т. 1. — С. 398.

***** Смирнов Ф. Общий богословский взгляд на историю древнецерковной иконографии. — Киев, 1879. — С. 7.

Рассказ Лескова был книгой для семейного чтения. Интересно сообщение Чехова редактору Лейкину 7 марта 1884 года: «Отец читает вслух матери «Запечатленного Ангела»*. Таким образом, лесковский «Ангел», был у Чехова «на слуху», что не могло не отразиться в его творчестве, а именно — в создании пасхального рассказа «**Святою ночью**» (1886).

Бесспорно, этот рассказ создан в художественной манере Лескова. Как лесковский шедевр снискал всеобщее признание, так и чеховское творение принесло автору заслуженную награду: рассказ был упомянут в материалах о присуждении Чехову Пушкинской премии.

Духовно-эстетическое начало рассказа Чехова связано не с иконописью, как у Лескова, а с красотой церковной поэзии, святого слова. Чеховский герой иеродиакон Николай — простой монах, который «нигде не обучался и даже видимости наружной не имел» (С5, 96), — обладал Божественным даром создавать акафисты. «Радуйся, древо светлоплодовитое, древо благосеннолиственное, им же покрываются мнози!» (С5, 97), — воспевается в хвалебном гимне Богородице. Сложные, многокорневые слова, усвоенные православной гимнографией из греческой традиции торжественной церковной риторики, выражают чувство благоговения перед святыней и в какой-то мере чувство бессилия достойно воспроизвести святой образ на человеческом языке.

В рассказе «**Святою ночью**» словно слышен лесковский рассказчик с его удивлением перед чудом ангельского лика: «Лик у него <...> самый светлобожественный и этакий скоропомощный» (1, 400). Чеховский герой также стремится передать святую красоту иконы в святой фразе — теми же многокорневыми словообразованиями, свойственными церковным песнопениям, которые, как сказано у Чехова, вмещают «много слов и мыслей» в одном слове. «Найдет же такие слова! Даст же Господь такую способность! — дивится чеховский рассказчик таланту сочинителя акафистов. — Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово <...> «**Светоподательна!**» <...> слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашел в уме своем» (С5, 98).

Устами своего рассказчика — молодого послушника Иеронима — писатель развивает теорию жанра и стиля русского религиозного искусства: «Кроме плавности и велеречия <...> нужно еще, чтоб каждая строчечка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молнии, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого» (С5, 98), «надо, чтоб в каждой строчечке была мягкость, ласковость, нежность <...> Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил» (С5, 97).

Здесь отчетливо различима та «очарованность» — душевное свойство изумляться открывающейся взору святой красоте, молитвенная способность к тончайшему духовному и эстетическому переживанию, характерная для любимых героев Лескова — праведников, «очарованных странников». Наличествует не только слуховая, но и зрительная, живописная, как в «Запечатленном Ангеле», образность. Стиль этих художественных творений Лескова и Чехова можно определить как словесную живопись.

Оба писателя настойчиво подчеркивают, что создание такого искусства, по Лескову, — «редкого отеческого художества» (1, 417) — возможно только при условии высочайшей нравственности, красоты духовной самого художника, творца прекрасного, вдали от суеты и корысти.

Так, с болью видит рассказчик «**Запечатленного Ангела**», как цинизм и корыстолюбие, «обман и ложь бессовестные» разрушают «отеческие предания»: «Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное художество, постились и молились и производили одинаково, что за большие деньги, что за малые, как того честь возвышенного дела требует» (1, 428). Но теперь «это люди не того духа»: «как чер-

* Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1974—1988.— Письма.— Т. 1.— С. 81. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

ные цыгане лошадами друг друга обманывают, так и они святынею <...> что становится за них стыдно и видишь во всем этом один грех да соблазн и вере поношение. Кто привычку к сему бесстыдству усвоил <...> даже <...> хвалятся: что-де тот-то того-то так вот Деисусом надул, а этот этого вон как Николою огрел, или каким подлым манером поддельную Владычицу еще подсунул» (1, 429).

В рассказе **«Святою ночью»** Чехов пишет, что подлинного благообразия нет и в монастыре: «народ все хороший, добрый, благочестивый, но... **Ни в ком нет мягкости, деликатности»** (С5, 99), **«некому вникать»** в слова пасхального канона, и **кроткий поэтический человек — безвестный творец акафистов — остается непонятым, ненужным даже среди монастырской братии. Он умирает под Пасху, и, согласно традиционному житийному представлению, это смерть праведника, открывающая двери в Царствие Небесное.**

Также под праздник Светлого Христова Воскресения заканчивает свой земной путь герой другого пасхального рассказа Чехова — **«Архиерей»** (1902).

Главный герой рассказа — представитель высшего церковного духовенства, викарный архиерей. Нареченный в монашестве Петром, при крещении в младенчестве он получил имя Павел. Так в имени и судьбе архиерея соединяются имена новозаветных Апостолов Петра и Павла, вводятся мотивы апостольского служения, подвижничества, мученичества.

Сюжетное действие разворачивается на фоне прогрессирующей болезни архиерея. Но перед самой кончиной ему ниспослано утешение, точно он скидывает с себя тяготивший земной груз, тяжкое телесное бремя и становится бесплотным, невесомым, готовым раствориться в небесных сферах, в милосердии Божиим. Преосвященный Петр «в какой-нибудь час очень похудел, побледнел, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большие, и как будто он постарел, стал меньше ростом, и ему уже казалось, что он худее и слабее, незначительнее всех, что все то, что было, ушло куда-то очень-очень далеко и уже более не повторится, не будет продолжаться.

«Как хорошо! — думал он. — Как хорошо!»» (3, 361).

Герой уже не ощущает себя высшим церковным иерархом, наоборот — он один «из малых сих», дитя Божье, дитя своей матери. А старуха-мать — вдова бедного сельского дьячка, которая стеснялась и робела перед высоким саном владыки, не знала, как вести себя с ним, — только теперь увидела в преосвященном Петре свое дитя — сыночка Павлушу: «она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного.

— Павлуша, голубчик, — заговорила она, — родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне!» (3, 361).

Любовь, жалость, сострадание острее проявляются к слабому, незначительному, беззащитному. Любовь соединяет человека с Богом и с людьми, а все остальное, в том числе служба, карьера, чины, — разъединяет, подавляет душу, приносит страдание, одиночество.

На пороге инобытия преосвященному привиделось, что он стал простым богомольцем: «он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» (3, 362).

Отлетающей душе открылась истинная суть человека, который в своей земной юдоли — только путник к Богу. Герой испытал чувство необъятной свободы — той, что даруется свыше, но люди, придавленные материальными попечениями, забывают об этом даре, не умеют ценить его. И лишь душа, от Бога исшедшая и к Нему отходящая, освобожденная от гнета земных забот, способна постичь эту свободу сполна.

Событийный ряд рассказа **«Архиерей»** разворачивается в течение Страстной Седмицы и завершается в праздник Пасхи. Автор преднамеренно точно указывает

вехи развития действия во времени и в пространстве. «Под Вербное воскресенье в Старо-Петровском монастыре шла всенощная» (3, 348) — это точка отсчета. Развязка основного действия происходит с наступлением Светлого Христова Воскресения: «А на другой день была Пасха. В городе было сорок две церкви и шесть монастырей; гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило» (3, 362).

Очевидно, что у Чехова представлено религиозно-философское понимание времени и пространства. Эти категории в рассказе «**Архиерей**» пасхальны, христиански сакрализованы. События Священной истории прочными духовными нитями связаны с православной верой, богохранимой землей русской.

Настоящее показано в свете минувшего и в духовной перспективе предстоящего, православного чаяния «жизни будущего века». Именно эта философия времени, определяющая христианский смысл русских пасхальных рассказов, представлена в чеховском рассказе «**Студент**» (1894).

Убедившись на живом примере, что новозаветные пасхальные события имеют непосредственную связь с настоящим, герой рассказа Иван Великопольский — студент духовной академии — испытал небывалую, захватившую дух радость: «и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. **«Прошлое, — думал он, — связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого».** И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: **дотронулся до одного конца, как дрогнул другой**» (2, 511).

Действие рассказа происходит в Страстную Пятницу — трагический день распятия Христа. Подводное течение внутреннего лирико-символического сюжетного плана движется от ощущения вселенского холода и мрака, людского одиночества и отчаяния, сиротского чувства богооставленности: «казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки стугились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно» (2, 508) — к ликующей пасхальной радости, приветной молитвенной вести о Светлом Христовом Воскресении, о торжествующей победе вечной жизни с ее высоким таинственным смыслом: «Правда и Красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы <...> невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им <героem. — А.Н.-С.> мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (2, 511).

Художественное время русских пасхальных рассказов не ограничено календарными рамками. Настоящее и прошлое сливаются воедино с грядущим в поистине евангельской «полноте времен», проповеданной Апостолом Павлом: «*Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного) <...>, Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление*» (Гал. 4: 4—5); «*В устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединились под главою Христом*» (Ефес. 1: 10).

Так в русских пасхальных рассказах устанавливается диалогическая соотносительность с христианским новозаветным контекстом. Праздник Пасхи является мощным импульсом, уводящим в метафизические глубины художественного текста; придает ему религиозно-философскую универсальность, позволяет обратиться к вечным вопросам бытия.

Особое эмоционально-психологическое состояние радостной просветленности, изумления перед непостижимостью Божественного Промысла, характерное для пасхального мироощущения, передано так, что «плакать хочется», «дух захватывает» (С5, 99). В произведениях русских классиков открывается необозримая духовная перспектива. Это подлинное чудо, и не случайно оно становится в пасхальном повествовании ключевым: «**Чудо, Господи, да и только <...> Истинное чудо!**» (С5, 96).